

Целый текст как объект стилистики текста

МАРГАРИТА Н. КОЖИНА
(Пермь)

В последние десятилетия в связи с развитием коммуникативно-функциональных направлений в языкознании (в частности лингвистики текста, функциональной грамматики, психолингвистики и др.) термин-понятие *текст*, как известно, получил широкое распространение. Однако он не имеет одного, общепринятого определения, что закономерно, поскольку этот сложный феномен – текст – чрезвычайно многогранен и в каждой из научных дисциплин (или направлений исследования) изучается со своей точки зрения, которая и закрепляется в соответствующем определении термина. Сложность и многоаспектность текста отмечается многими учеными. Е.С. Кубрякова, например, пишет: „Текст – это событие и семиотическое, и лингвистическое, и коммуникативное, и культурологическое, и когнитивное и т.д.” (1994: 23). Тот же факт отмечает и А. И. Новиков, подчеркивая различие подходов к изучению общего объекта разных научных отраслей: „Текст представляет собой сложное образование, которое одновременно включает в себя языковые, логические, речевые, мыслительные, стилистические, экспрессивные и другие компоненты; это целостный комплекс языковых, речевых и интеллектуальных фактов в их взаимодействии”; „Текст исследуется не только лингвистикой, но и другими дисциплинами, каждая из которых в соответствии со своими задачами рассматривает его под соответствующим углом зрения” (1983: 3-4).

Однако ситуация в лингвистике (и шире – филологии) в связи с употреблением термина *текст* осложняется тем, что при целесообразных в этом случае междисциплинарных исследованиям, далеко не всегда этот

термин определяется и соотносится с другими имеющимися у него осмыслениями, либо используется в наиболее употребительном своем значении, обозначая одновременно (в одной работе) по существу различные явления (то есть имеет сразу два разных понимания), что, конечно, нежелательно. Поэтому актуальной в настоящее время становится задача рассмотрения множественности интерпретаций термина *текст*, о которой говорит Е.С. Кубрякова; которая была поставлена и в статье М. Я. Дымарского (1993) – в отношении прежде всего к художественному произведению. В нашей работе мы попытаемся определить понятие целого текста (произведения) применительно к стилистике текста, акцентируя при этом аспект научного функционального стиля и вообще нехудожественных текстов.

Как известно, в лингвистике наряду с термином-понятием *текст* фигурирует и термин *целый текст*, который однако не всегда получает особое определение и нередко используется синонимически с первым. По существу имеется понятие целого текста актуально для семантики текста (например, в концепции А. И. Новикова) и лингвосоциопсихологии (см. работы Т. М. Дридзе – 1980, 1984), поскольку в них текст понимается как „система коммуникативно-познавательных элементов, функционально, т.е. для данной конкретной цели (целей) общения, объединенных в единую замкнутую содержательно-смысловую структуру общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением) партнеров по общению (Дридзе 1984: 7 – разрядка М.К.). При этом структура текста мыслится как иерархия коммуникативных программ (или предикатов), реализующих определенную тему (либо соотношенную с денотатом в широком смысле слова). Отсюда разрабатываемые методы исследования направлены на анализ отдельного целого текста (произведения) как объекта изучения. С целым текстом традиционно имеет дело и стилистика, однако не все ее направления (ср. „стилистику ресурсов”, описывающую стилистические значения и окраски отдельных языковых единиц и их совокупностей).

Тем не менее в разных лингвистических дисциплинах (и шире – в филологии) словоупотребление *целый текст* используется, как указывалось, наряду с термином *текст*, далеко не всегда особо оговариваясь. Поэтому возникает необходимость соотнести соответствующие термины-понятия, определив различия в их семантике.

Наиболее распространены три понимания термина *текст*: 1) текст как высший уровень языковой системы (собственно, узко лингвистический аспект, когда текст (высказывание) рассматривается как единица языка; 2)

текст как своего рода область приложения, функционирования языка, его использование в речи, выступающее в виде линейно-темпоральной последовательности высказываний, т.е. как единица речи; 3) текст как единица общения, обладающая относительной смысловой завершенностью, предназначенная для передачи целей и интенций (замысла) в процессе общения коммуникантов, т.е. обмена текстами. Последнее понимание, как указано, свойственно лингвосоциопсихологии, причем Т. М. Дридзе подчеркивает его отличие от определения текста как единицы языка или речи. Подобное толкование текста находим и в работах лингвокультурологического направления, например, у Ю. М. Лотмана.

Однако фактически определений текста может быть выделено больше, каждое из которых акцентирует стороны феномена, наиболее актуальные для соответствующего научного определения (дисциплины) и предмета его исследования. Так, для теории актуального членения наиболее значим аспект структурирования высказывания и „наращивания” информации через тема-рематическую динамику текста; для психолингвистики – структура высказывания (текста) предстает как система (организация) операций в процессах порождения и восприятия текста как решения задач неречевой целенаправленной деятельности человека (Леонтьев 1979: 25, 26); для прагматики текст – это инструмент воздействия говорящего на слушающего как реализация иллокутивных сил и достижения перлокутивного эффекта; для грамматики текста (как одного из направлений лингвистики текста) – определение текстовых единиц и их связей на текстовой плоскости; для функциональной грамматики (например, в теории А. В. Бондарко 1984) – влияние и роль вербального контекста на семантику грамматических категорий, функционирующих в высказывании и т.д. (отдаем себе отчет в том, что эти формулировки неполны и не отличаются строгостью; у нас здесь другая цель – указать различия подходов).

Конечно названные (и возможные иные) аспекты определения феномена *текст* следует рассматривать как взаимодополняющие друг друга: только все вместе они дают наиболее полное представление об объекте. Однако автор конкретного исследования должен отдавать себе отчет в том, какие характеристики текста из какой научной отрасли берутся, как и почему совмещаются и насколько это результативно. Сказанное ставит на повестку дня и вопрос о разных уровнях лингвистического исследования даже и в пределах динамической (функциональной) теории языка.

Рассмотрим несколько подробнее три из указанных выше основных определения текста, соотнося их с актуальным для функциональной стилистики пониманием этого феномена и с трактовкой его в лингвосоциопсихологии, семантике текста, а также (отчасти) культурологии. Оговорим при этом, что текст, являясь продуктом речемыслительной (интеллектуальной) и коммуникативной деятельности, в то же время в свернутом виде содержит динамику своего развертывания, почему и может служить объектом изучения его порождения и интерпретации, интересующих ряд научных направлений языкознания, в том числе и функциональную стилистику.

Первое из указанных выше, наиболее распространенное в лингвистике понимание текста (как уровня языковой системы) нельзя, однако, считать общепринятым. Очевидно, следует учесть критические замечания А. И. Новикова. Отрицая правомерность признания текста языковой единицей и считая его единицей речевой, автор исходит из закономерной позиции: если текст является языковой единицей, то он должен обладать формальными признаками других языковых единиц как дискретных образований. Тем самым должны быть объективные критерии определения границ текста (Новиков 1983: 8). Однако анализ литературы показывает, что, во-первых, под текстом понимается и предложение-высказывание, и сложное синтаксическое целое, и их совокупность. Во-вторых, при сосредоточении внимания на единицах, больших, чем предложение, как собственно текстовых (СФЕ), один из существенных их признаков – наличие „смыслового единства” оказывается весьма зыбким критерием, основанным на интуиции исследователя (Маслов 1975: 27). Однако главное, по словам А. И. Новикова, заключается в том, что „смысловой аспект суперсинтаксических единиц ... не является специфическим признаком для такого рода единиц”, так как „понимание смысла какого-либо отрезка возможно в контексте целого текста ..., его темы”. Темы же отрезков „не существуют ... изолированно сами по себе”. Поэтому указанный семантический аспект „подрывает идею автономности сверхфразовых единств” (1983: 15. – разрядка М.К.). Очевидно, не случайно в связи со сложностью определения границ текстовых единиц и текстового уровня как уровня языковой системы высказывается мнение о том, что можно говорить не о структуре целого текста, а лишь о структуре отрезков внутри него (Фридман 1979).

Г. В. Колшанский, отмечая трудности грамматического подхода при определении границ текста, предлагает опираться на коммуникативные параметры текста, „связанные с исследованиями информативной, следо-

вательно смысловой, стороны текста” (1978: 27). И действительно понимание смысла какого-либо фрагмента (единицы) текста возможно в контексте целого текста, исходя из понимания его содержания, его темы, о чем говорит А. И. Новиков, отмечая, что темы отрезков „всегда выступают в роли подтем, микротем, развивающих общую тему целого текста (1983: 15). Отсюда следует понимание целого текста на информативно-смысловой основе, качественно отличное от понимания текста как уровня языковой системы.

Однако тема (в аспекте концепции А. И. Новикова, а не актуального членения высказывания) – это уже экстралингвистическая сущность. Кроме того, обращаясь к тексту как целому (произведению), который, конечно, нельзя осмыслять (и изучать) вне его смысловой, содержательной стороны, невозможно (просто недопустимо) не учитывать целого ряда его коммуникативных параметров: замысла, концепции, цели общения, фонда знаний, субъекта речи, адресата и др., а на поверхностном уровне – текстовой организации, композиции, принципов и приемов развертывания текста, обусловливаемых указанными и другими экстралингвистическими факторами. Все эти параметры определяют качественное своеобразие, специфику целого текста как явления (единицы) коммуникации.

Иначе говоря, учитывая дискуссионность проблемы, по-видимому, целесообразно подходить к определению статуса текста и возможным аспектам его анализа, различая несколько своего рода под- (суб-) уровней (или – ипостасей).

Над дотекстовыми ярусами единиц языковой системы „надстраивается” уровень текста, в котором текст (высказывание) осмысляется как единица языка – наиболее распространенная точка зрения. Этот аспект изучения ограничивается грамматическим подходом (вычленением) текстовых единиц, их связями и структурированием в продукте текстообразования и т.д., чем и занимается, например, ставшая уже традиционной грамматика текста как направление лингвистики текста. При всей зыбкости определения единиц текста (что, кстати, думается, уже сигнализирует о своеобразии сущности текста по сравнению с единицами других уровней языковой системы) все же в аспекте именно грамматики текста как низшего подуровня текста – качественного скачка на пути к функционализму, очевидно, еще не происходит.

Однако учет грамматических форм связей высказываний и других, выделяемых обычно в текст-лингвистике, текстовых единиц оказывается

недостаточным для анализа целого текста (произведения), его композиционно-коммуникативной (содержательной) структуры. Выход за пределы отдельного высказывания в целый текст (произведение) сопряжен с качественно иным подходом к тексту, когда интралингвистического контекста (как и одних языковых знаний) недостаточно для объяснения многих существенных сторон изучаемого феномена, когда необходим выход в широкий экстралингвистический контекст. Однако последний (т.е. контекст) может учитываться (быть актуальным для толкования текста) не весь „целиком”, но избирательно: совокупность тех или иных факторов, наиболее значимых для предмета исследования данной научной отрасли, что и создает в пределах одного уровня понимания текста и его изучения варианты определения. Так, в семантике текста акцентируется соотносительность текста с денотатом (концепция А. И. Новикова); лингвосоциопсихология не ограничивается этим, делая упор на выражении в тексте авторской концепции (через иерархию коммуникативных программ).

В. В. Одинцов – с позиций стилистики текста – справедливо отмечает, что „собственно грамматическая структура текста (как понятие лингвистики) принципиально отличается от структуры текста” (в смысле содержательного целого, произведения). Анализируя целые тексты автор неоднократно подчеркивает „принципиальное отличие” при этом подхода с позиций стилистики текста от подхода лингвистики текста (1980: 49–50. – разрядка М.К.). В стилистике текста – „для поиска оптимальных форм передачи мысли ... говорящий должен решить, какой из предоставленных ему языком возможностей целесообразно воспользоваться ... будет ли (то или иное средство – М.К.) ... соответствовать намерению говорящего, целевой у становке..., ситуации сообщения, характеру взаимоотношений адресата и адресанта и т.п.” (1980:50). При этом „стилистика текста, входя в состав стилистики речи” и опираясь на стилистику языка, разнообразно соотносена с ней, причем „понятие текст соотносится с понятием язык через функциональный стиль” (там же, 51, Разрядка – М.К.).

Таким образом, функциональная стилистика текста, составляющая, очевидно, один из вариантов „уровня” понятия *текст* и его изучения, во-первых, исследует целые тексты и их стилевую типологию, во-вторых (о чем подробнее ниже), анализирует их в единстве поверхностной и содержательно-коммуникативной сторон текста, причем в широком экстралингвистическом (социокультурном) аспекте. Во всех трех последних случаях, когда объектом изучения оказывается целый текст (а не отдель-

ное высказывание в вербальном контексте), он исследуется не только как собственно языковая единица (интралингвистический аспект), но как коммуникативная единица, как единица общения. Для его осмысления, следовательно, недостаточно лишь лингвистических знаний, но необходим учет ситуации общения и целого ряда экстралингвистических факторов, вплоть до широкого социокультурного контекста, в котором протекает познавательная-коммуникативная деятельность (как реализация неречевой деятельности).

Сюда в последнее время „подключается” и лингвокультурологический аспект, в русле которого уже имеется немало публикаций, но сошлемся прежде всего на глубокие и оригинальные исследования Ю. М. Лотмана (1992). В них текст предстает именно как единица общения, причем реализуемая не одним языком, но по меньшей мере двумя (и несколькими). Автор неоднократно подчеркивает этот функциональный признак текста. Ср.: „Общение читателя с текстом” (1992: 131); „общение между текстом и культурным контекстом” (132); „высокоорганизованный текст перестает быть лишь посредником в акте коммуникации. Он становится равноправным собеседником” (131); „Текст предстает перед нами не как реализация сообщения и а каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и породить новые ...”(132).

Трактовка текста Ю. М. Лотманом как целого текста (произведения) особенно близка стилистике, поэтому приведем здесь некоторые наиболее значимые в этом плане высказывания ученого. Например: „... установлено ... для того, чтобы данное сообщение могло быть определено как „текст”, оно должно быть как минимум д в а ж д ы закодировано. Так, например, сообщение, определяемое как „закон” отличается от описания некоего криминального случая тем, что одновременно принадлежит и естественному языку и юридическому языку, составляя в первом случае цепочку знаков с разными значениями, а во втором – некоторый сложный знак с единым значением, то же можно сказать о текстах, типа „молитва” и т. п.” (1992: 129). Ю.М. Лотман отмечает, что еще „в дописьменной культуре признаком текста становится дополнительная сверхязыковая организованность” (134), позже, в XVIII в., в качестве последней выступает „иерархия жанров в системе классицизма, когда признак „быть произведением искусства” возрастает по мере продвижения по шкале жанров” (137), т.е. „текстовое значение растет по мере затушевывания общезыкового” (136).

Автор, отмечая, что графема (принадлежащая языковому коду) и текст — явления различные; последний оказывается „функционально специфическим сообщением”, свойства которого „определяются не материальной данностью текста, а отношением его к противопоставленным по функции текстам” (161). По существу во всех этих случаях качественное, специфическое свойство текста (по сравнению с собственно языком, кодом) связывается с функционально-стилистической „принадлежностью” конкретного текста и соответствующими ему функционально-стилевыми „приращениями” (к совокупности буквальных значений языковых единиц общения). Последнее же из приведенных выше высказываний переключается с определением стиля В. В. Виноградовым (1955: 73).

Естественно, что при всей существенности различий между отмеченными субуровнями (и вариантами) нет жестких границ, непроницаемой стены. Напротив, по-видимому, можно говорить о том, что первый текстовый субуровень представляет собою своего рода переходное явление, связующее звено между языком как системой и собственно текстом, *ц е л ы м* текстом (произведением). Имеено в нем происходит перестройка статистики языка в динамику речи и потенции функционального аспекта языка и его коммуникативной функции начинают превращаться в реальность функционирования. Однако последнее действительно актуализируется на следующем уровне — целого текста в конкретных сферах общения. Из всего сказанного вытекает, что функциональный аспект языка и функциональные методы изучения (функциональная лингвистика) представляют собой не один, но целую систему подходов.

Однако для нас сейчас важно подчеркнуть различия указанных субуровней текста и аспектов их анализа, т.е. специфику понятия „целый текст”, актуального в особенности для стилистики. Главным, самым общим критерием различения названных субуровней текста является критерий учитывающий, что для определения и понимания специфики целого текста недостаточно данных лишь самой языковой системы (интралингвистических). Целый текст может состояться, и сущность его может быть определена (объяснена) лишь на экстралингвистической основе, при учете широкого когнитивного, коммуникативного и социокультурного контекста, как и ситуаций межличностного общения. И здесь для стилистики эффективна, в частности, опора на лингвосоциопсихологию, а также на семантику текста, культурологию и ряд других дисциплин, то есть междисциплинарный подход. При этом существенно учесть то, что „знание некоторой

сферы значений языковых единиц еще не означает умений оперировать ими в тексте, подчиняясь коммуникативно-познавательным целям” (Дридзе 1980: 134). В плане соотношения понятий языковой системы и целого текста заметим, что текст, как известно, выражает содержание большее, чем совокупность значений составляющих его единиц: “текст – не сумма функционально-строевых единиц, а новое образование... с новым информативным качеством” (Баранов 1993: 83). А. И. Новиков экспериментально доказывает отсутствие непосредственной соотнесенности содержания текста и его словесной формы выражения, „текст... есть лишь форма содержания, а не само содержание...” (1983: 129). По Новикову, „в качестве элементов (содержательной, смысловой – М. К.) структуры текста выступает не предложение и слово, а предмет и его признаки, которые могут быть выражены различными языковыми средствами”, т.е. „... единицы, задаваемые самым текстом – это некоторые отрезки текста” (125). Существенно и замечание о том, что содержание текста соотносится с внешней языковой формой текста „не поэлементно, а в целом соответствует всей совокупности данных языковых средств” (Новиков 1983: 5).

Итак, и в аспекте семантики текста последний обладает качественно особыми, собственными закономерностями строения и функционирования, отличными от языковых единиц, хотя и состоит из них; его содержание соотносится с внешней языковой формой в целом, а не составляется из суммы значений, входящих в нее языковых единиц, даже и таких объемных, как предложение или сложное синтаксическое целое. А. И. Новиков, в частности, отмечает, что „структуре содержания не может соответствовать ни структура языковых средств внутри предложения, ни структура на уровне соотношения межфразовых единств, отражающих внешнюю организацию текста” (127). Отсюда анализ текста, т.е. собственно текстовый анализ, по мнению автора, должен быть сосредоточен не столько на внешней, языковой форме текста, как это принято, но на внутренней, содержательной.

Однако следует заметить, что для стилистики не только невозможно отвлечение от внешнего, поверхностного уровня текста, о чем сказано выше, но недостаточно учета содержательно-тематической стороны текста лишь на денотатной основе. Она шире берет экстралингвистическую основу текста (типа текстов), но не может отвлекаться и от внешней, языковой формы текста. Это обусловлено тем, что для стилистики особенно актуален принцип единства содержания и формы, который реализован

в стилистических исследованиях В. В. Виноградова и о котором говорит В. В. Одинцов, определяя понятие стилистики текста.

При этом поверхностный уровень текста стилистика анализирует не с формальной (грамматической, узколингвистической) стороны, но с функционально-коммуникативной в единстве внешнеязыковой и смысловой с учетом того факта, что языковая организация текста обусловлена его экстралингвистической основой, широким коммуникативным контекстом, а не только содержанием и темой. В этом смысле опора при анализе лишь на тему и денотатную структуру текста для стилистики недостаточна; в данном случае ей более „импонирует” лингвосоциопсихологическая концепция текста. Однако учет только информативной структуры текста (как иерархии предикатов) для стилистики также узок (см. о смысловой структуре текста – „Очерки ...”. Т. 2, 1995).

Особо подчеркнем некоторые важные моменты понятия „целый текст”, с которым (как и с типологией текстов на тех или иных основаниях: функциональные стили, жанровые разновидности и др.) прежде всего имеет дело функциональная стилистика. Текст при этом характеризуется не только свойством цельности¹, но и завершенности, известной системной замкнутости. По мнению В. А. Кухаренко, „единицей художественной речи следует считать законченное сообщение – целый текст, завершенное произведение” (1979: 5); „художественный текст жестко ограничен во времени и пространстве и представляет собой закрытую художественную систему” (63). Это качество отмечает и И. Р. Гальперин: „... понятие завершенности приложимо лишь к целому тексту, а не к его части, как это представляется некоторым исследователям грамматики текста”; „текст можно считать завершенным тогда, когда с точки зрения автора его замысел получил исчерпывающее выражение” (Гальперин 1981: 131).

О необходимости различения понятий текст (высказывание) как собственно языковой феномен (как уровень языковой системы) и целый текст (произведение) – в особенности как объект изучения стилистики, – а также в разных методах и сферах их исследования, говорят многие факты, на которые, кстати, указывалось в литературе (правда, вне аспекта рассмотрения данного вопроса: о статусе целого текста). Во-первых, то, что именно текст как целостное произведение характеризуется свойствами, отли-

1 В варианте осмысления этого термина, например, в психолингвистике: единство образа, что выражается и отдельным высказыванием-предложением.

чающими его от единиц и уровней языковой системы. Во-вторых, те качества, которые создают специфику целого текста (произведения), не свойственные единицам языковой системы, являются действительно функционально-коммуникативными в реальных актах общения и стилевыми. В-третьих, именно целый текст (произведение) и их типология традиционно оказываются объектами исследования именно в стилистике, а не в какой-либо иной лингвистической дисциплине. Остановимся на этом подробнее.

Целесообразность выделения понятия целого текста и соответствующего аспекта его изучения мотивируется тем, что именно целый текст (произведение), в отличие от текста как единицы языка (или по сравнению с последней) обладает рядом качественно своеобразных черт, составляющих его специфику. А именно: только целый текст способен полностью выразить смысл, „заложенный” в него автором как реализацию его замысла, концепции, смысл (содержание), выходящий за сумму значений составляющих его языковых единиц. Эта содержательная (смысловая) „прибавка” в свою очередь обусловлена особой организацией текста, детерминированной экстралингвистически (а не законами системы языка, его строя). Именно поэтому целый текст (произведение) перестает быть чисто лингвистическим феноменом (не теряя, однако, связей с языковой системой), „перерастая” в нечто большее и более сложное, в частности в явление культуры. Потому-то для построения целого текста и для его понимания недостаточно лишь языковых знаний, потому-то истинный смысл текстовых компонентов может быть понят лишь в контексте целого произведения, к тому же с учетом широкого социокультурного контекста.

Вот некоторые высказывания на этот счет Ю. М. Лотмана: „понятие текста (речь идет об аспекте текста в лингвокультурологическом смысле – М. К.) ... отличается от соответствующего лингвистического понятия”; „сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный для того, чтобы высказывание превратилось в текст. Вследствие этого вся масса циркулирующих в качестве языковых сообщений воспринимается как не-тексты, на фоне которых выделяется группа текстов, обнаруживающих признаки некоторой дополнительной, значимой в данной системе культуры, выраженности” (1992: 133); „ни один из реально данных нам текстов не является продуктом какого-либо одного механизма порождения. Такие тексты были бы бесполезны как генераторы новых смыслов. Даже научные тексты, которые должны были бы создаваться в пределах „чистых” метаязыков, „засоряются” аналогиями, образами и ины-

ми заимствованиями из иных, чуждых им, семиотических сфер” (там же, 32). Автор также отмечает, что „текстовое значение растет по мере затупевывания обще языкового” (136). Художественное же произведение (а это один из основных объектов стилистики) характеризуется особенно „сложными отношениями с окружающим культурным контекстом и с читательской аудиторией. Оно перестает быть элементарным сообщением, приобретает память, может конденсировать информацию и вырабатывать и рать новую” (131), в чем „повышается признак целостности и замкнутости” (130).

Таким образом, специфика целого текста состоит в том, что он не просто реализует языковые значения; его единицы – это не готовые обозначения денотатов, обладающие общезначимыми значениями, но они наделяются индивидуальным смыслом (в том числе интерпретатором), они творятся по законам не только языка, а широкого контекста (когнитивного, коммуникативного, социокультурного – вернее, во взаимодействии с последними – с учетом опыта коммуникантов, их фонда знаний и т.д.).

И здесь следует акцентировать еще два существенных признака целого текста (произведения), опять-таки отличающих его от текста как собственно лингвистического понятия, это: 1) отражение в нем структуры речевого акта, признаков взаимодействия коммуникантов; 2) особую организацию текста (иначе – речевую системность), эксплицирующую как уже отмеченный факт структуры речевого акта, так и целеустановку данного текста (замысел, концепцию, определяющих его организацию), а также обусловленность этой организации другими факторами широкого экстралингвистического контекста. Всех этих качеств нет у единиц языковой системы самих по себе (в том числе и у текста-высказывания как уровня языковой системы), они характеризуют целое произведение и могут быть структурированы, осмыслены и определены именно в аспекте (с позиций) целого текста, как конкретного произведения (или на более высоком уровне абстракции – с точки зрения типологии текстов). Но для нас значимо то, что указанные отличительные признаки целого текста являются функционально-стилистическими. Именно их наличие в тексте создает его стилевую специфику (разных уровней абстракции) и потому составляет предмет стилистики текста, одни из „сторон” которого издавна исследуются стилистикой, другие – лишь недавно, а иные должны составить предмет изучения будущих изысканий этой научной отрасли.

Подходы к такой постановке вопроса и отдельные высказывания в этом плане известны в литературе. Например: „текст, даже взятый изолированно... – важный источник суждений относительно его собственных прагматических связей”, имеется в виду прежде всего учет адресата (Лотман, 1992: 163); „всякий текст содержит в себе то, что мы бы назвали образом аудитории” (там же, 161). М. Хоффманн считает, что „стиль текста несет информацию об отношении говорящего к достижению целей коммуникации” и что „стиль – это коммуникативное, функционально-прагматическое качество текста” (Hoffmann 1987: 71, 69). Определяя стиль как качество текста, Г. Лерхнер говорит о том, что стилистическая специфика текста свидетельствует об экстралингвистических его характеристиках (Lerchner 1981: 92-93).

Именно целому тексту (произведению) свойственна особая организация, которой не обладает отдельное высказывание (взятое вне контекста произведения) и тем более единицы языка дотекстовых уровней. Ей свойственные признаки определенной композиции и архитектоники, взаимодействия типов повествования, системообразующее отражение специфики мышления и деятельности соответствующей сферы общения, к которой относится данный текст и т.д., а главное – подчинение единому организующему центру – образу автора. Понятие образа автора как организующей силы произведения, объединяющей в единое целое его отдельные части, пронизывающей его единым сознанием, единым мировоззрением и мироощущением, предложено В. В. Виноградовым применительно к художественной литературе еще в 20-х гг., но наиболее полно представлено в монографии „Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика”. Однако это понятие в том или ином преломлении приложимо и к другим функциональным разновидностям языка, например, публицистической, научной. Между прочим оно для них не менее свойственно, но мало изучено. Однако в этом плане уже имеется ряд работ: см. о роли субъекта речи в организации научного текста, проявлении в нем, например, авторской рефлексии монографию Л. М. Лапп (1993); диссертации Э.Б. Погудиной – о выражении авторского „Я” в немецкой научной речи – и Л.Г.Кайды об авторской позиции в публицистике (1992) и др. В работах классиков стилистической науки – В. В. Виноградова, М. М. Бахтина, Г. О. Винокура, В. Б. Шкловского и др. выработаны и принципы анализа художественной прозы как целостной, замкнутой структуры, все элементы которой возводятся к единому организующему центру – образу автора, который прежде всего проявляет-

ся в способе повествования. Образ автора выступает как некий организующий центр, как своего рода концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур, являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого. А. В. Кухаренко подчеркивает, что „единство и цельность художественного текста обеспечиваются сюжетом, композицией, архитектуроникой, тематической перспективой и образом автора” (1979: 63).

Причем эта системная организация целого – в том числе нехудожественного текста – проявляется, например, в научном произведении и в композиционно-содержательной его стороне (Е. А. Баженова 1995) и в подчеркивании смысловой цельности авторской концепции (Н. В. Данилевская), и в проявлении индивидуального стиля мышления ученого, определяющего стиль его сочинения (Н. К. Рябцева 1992). Тем самым вся текстовая „ткань” произведения представляет собой истинную системность, когда стилистически значимыми оказываются все языковые средства, задействованные в этой текстовой организации, но – что важно – не сами по себе, а в контексте, в единстве целого. Известно, что для характеристики структуры художественного текста „важна не только его субъектная организация, обусловленная типом повествования, но и соотношение прямых и переносных значений слов”, система словесных образов и языковых средств различных уровней, своеобразно организованных и т.д. (Н. А. Кожевникова 1994). Все это достаточно полно изучено традиционной стилистикой и не требует дополнительной аргументации и иллюстраций. На этом строится интерпретация текста, основывающаяся к тому же на принципе единства формы и содержания как практическое доказательство наличия в тексте этого единства, свойственно не только для художественного, но и всякого иного целого текста (последнее, в частности, отмечает В. В. Одинцов). Между тем все эти аспекты не актуальны для собственного лингвистического понимания текста (как уровня языковой системы) и его изучения.

Вместе с тем сказанное здесь свидетельствует о том, что для функциональной стилистики – в отличие, например, от указанных концепций текста в психолингвистике, семантике текста, социопсихолингвистике – понятие текста не ограничивается чисто коммуникативным аспектом, для которого внешняя сторона текста второстепенна. В связи с этим на вопрос – что изучает стилистика: текст как единицу общения или текст как единицу языка? – следует, очевидно, ответить, что изучает она и то и другое, правда

с одной поправкой: изучает текст как единицу речи (если различать аспекты языка и его функционирования, т.е. речи; в широком же смысле термина „язык” не требуется этой поправки). Именно вниманием не только к содержательно-коммуникативной стороне текста, но и внешней (собственно языковой организации текстовой „ткани”) отличается стилистика текста от некоторых других смежных дисциплин, изучающих данный феномен; в этом состоит и своеобразное положение стилистического исследования среди других уровней изучения текста.

Таким образом, понятие текста даже в кругу лингвистических дисциплин (и только их функционального направления) не является однозначным. Очевидно, при его характеристике может быть использован принцип полевого структурирования (с выделением ядерных и периферийных его разновидностей), что уже намечено в литературе (Матвеева 1994, Сиротина 1994). Однако все эти аспекты текста и уровни его изучения в конечном счете взаимодополняют друг друга, а объединяющим началом у этих дисциплин оказывается единство объекта, характеризующегося свойствами цельности и связности; для целого же текста еще и относительной его завершенности — в плане исчерпанности замысла автора на момент написания (окончания) текста. Естественно, что жесткое структурирование и проведение границ в сфере гуманитарных объектов недопустимо, потому наша „схема разделения” рассматриваемых понятий относительна.

Последнее касается и основных свойств текста — цельности и связности, также не вполне однозначно трактуемых в лингвистике. Как отмечалось, целый текст отличается и по характеру основных текстовых свойств — связности и цельности.

Если для текста как единицы языка достаточно формального выражения связности предложений и абзацев (или СФЕ) через лексические повторы, дейктические средства в анафорической позиции, синонимические замены, союзы, относительные слова, то для связности целого текста этого недостаточно. Здесь важно выражение смысловой связности, т.е. не только внешняя, но и внутренняя (первая является производной и дополнительной ко второй).

Необходимость выражения внутренней связности диктуется тем, что линейный характер внешней формы текста не может выражать многомерность и иерархичность мыслительного содержания. Внутренняя связность, связность целого текста еще недостаточно изучена. Обычно говорят о том, что „внутренняя связность базируется на общности предмета

описания, являющегося тем «стержнем», который проходит через весь текст и как бы «стягивает» все его части в единое целое» (Новиков 1983: 27-28). При этом „стягивание” происходит за счет отнесенности описываемых предметов к главному, связанному с главной темой при разворачивании замысла. Однако очевидно одного, тематического аспекта связности недостаточно; следует говорить и о выраженности в тексте концептуальной (идеиной) связности смысловой стороны текста. Ср.: „в тексте как коммуникативной единице смысловые опоры ... должны быть связаны и между собой, и с основной идеей текст а” (Дридзе 1980: 83).

Действительно, если на внешнем, поверхностном, уровне текста связность и целостность (цельность) как основные его свойства различаются в средствах выражения, то на смысловом, тем более – концептуальном, они сближаются, хотя все же связность, очевидно, имеет большую степень своей формальной выраженности. Так, например, целостность текста (произведения) определяется единством предмета описания, авторским взглядом на него (концепцией), определенной завершенностью (исчерпанностью – на данном этапе – темы), связность же как бы подчиняется выражению в тексте этих сторон. Например, реализации в целом научном тексте авторской концепции способствуют так называемые развернутые вариативные повторы, проходящие через все произведение и цементирующие его (Данилевская 1992); кроме того, приемы развития понятия в тексте (Котюрова 1988), и даже отражение в тексте последовательности фаз познания изучаемого и описываемого объекта (Баженова 1987).

Напомним, что в литературе вопроса обычно различаются понятия цельности и связности текста, причем отмечается, что „связность является условием цельности, хотя цельность не может полностью определяться через связность” (Леонтьев 1976). Тот же автор подчеркивает, что цельность – это внутренняя смысловая организация текста (высказывания), не обязательно эксплицируемая в языковых категориях, но всегда осознаваемая при восприятии текста, в то время как аппарат лингвистики пригоден для характеристики именно связности (1979: 19). И далее: „целостность текста не определима лингвистически: тот текст целостен (т.е. является текстом), который воспринимается как осмысленное целесообразное единство” (там же, 28); связность же есть „рядоположенность и соположенность строевых и нестроевых элементов языка / речи, есть некоторая дистрибуция, законы которой определены технологией соответствующего языка (Сорокин 1982: 65). Поэтому можно сказать, что психолингвисти-

ка „специализируется на изучении цельности, тогда как лингвистика – на анализе связности. Отсюда же вытекает, что понятие текста „не может быть определено только лингвистическим путем. Текст есть прежде всего понятие коммуникативное” (Сорокин 1982). При характеристике же связности отмечаются ее разновидности (Mistrik 1973) и различие средств и способов реализации. Н. Н. Трошина говорит о реализации цельности текста через три вида связности: связности предложений текста, логико-семантической и стилистической (1982: 59-60).

Таким образом, цельность текста как коммуникативной единицы обусловлена тем, что все элементы текста, точнее, вся его организация – на внешнем и смысловом уровне – подчинена цели сообщения, выражению основной концепции, замысла автора. Эта целостность пронизывает собою весь текст (произведение) от начала (заголовка, аннотации) до конца (выводов, заключения). Текст, как известно, имеет иерархическую структуру, которую венчает заголовок; он должен ориентировать читателя на основную идею, замысел (лейтмотив) произведения (а не только на объект изучения, предмет речи, хотя может быть и такого рода замысел). Тем самым целостность текста проявляется и на уровне заголовков всех текстовых фрагментов, также образующих смысловое целое, выражающих логику его развертывания и цементирующих весь текст в единое целое. Однако здесь опять-таки целостность и связность (внутренняя) целого текста идут бок о бок.

Целостность и связность целого текста и их выраженность в нем оказываются весьма значимыми свойствами текста (в том числе научного), так как целесообразная их экспликация в тексте способствует адекватности понимания, эффективности и успеху коммуникации. Задача стилиста – определить нормы построения такого текста в каждой из сфер общения. В целом научном тексте (произведении), таким образом, выражение связности не ограничивается обычно описываемыми в литературе средствами связи предложений, абзацев, СФЕ, но реализуется и специально, выработанными в этой сфере общения средствами и способами, направленными на акцентуацию концептуально-смысловой стороны авторского замысла в данном тексте. Тем самым связность целого текста как бы более (чем текста-высказывания как уровня языковой системы) „продвигается” вглубь структурно-содержательного целого, однако все же эксплицируется поверхностной стороной текста, вместе с тем сближаясь с цельностью и выражая последнюю. Собственно же цельность произведения формиру-

ется и реализуется на содержательно-смысловом уровне текста, выступая как системное единство этого уровня (стороны) текста, обусловленное своим экстралингвистическим основанием.

Итак, текст как целостное коммуникативно-смысловое образование, рассчитанное на интерпретацию, т.е. реализующее замысел автора и обладающее специфичной стилистико-текстовой организацией, обусловленной экстралингвистической основой текста, качественно отличен от собственно лингвистического понятия текста как линейной цепи единиц разных уровней языковой системы. В самом же общем смысле текст, будучи сложным феноменом, многоаспектен и может выступать в различных своих ипостасях. Таким образом, даже и в пределах лингвистики термин-понятие *текст* неоднозначен, при этом следует различать понятия текста и целого текста (произведения), имеющих как общие, так и отличительные признаки. При этом своеобразный „водораздел” между пониманием текста как уровня языковой системы и, следовательно, изучением его с собственно (узко) лингвистических позиций и пониманием текста как коммуникативной единицы в реальном общении проходит по тому его аспекту, который, выходя за рамки собственно грамматики текста, вовлекает в орбиту его интерпретации целый комплекс экстралингвистических факторов. А это характерно для интерпретации именно целого текста (произведения) или типа текстов.

Важно отметить также смысловой, содержательный характер цельности текста именно как целого, ибо в этом проявляется свойство текста как смыслового единства и определяется оно (это свойство) на протяжении всего текста. Целостность – это характеристика результата восприятия внутренне связного текста. Тем самым ее реализация, как и осмысление и понимание текста, требуют его прочтения до конца. Только в контексте целого произведения выражается его полный смысл. (Напомним в этом плане замечания Г.О. Винокура об осмыслении заголовков только в составе целого текста. 1959: 247). И это еще один аргумент в пользу специфики особого статуса целого текста.

Стилистика, обращаясь к анализу текста, изучает речевую организацию последнего. При этом ее интересует как план выражения, так и план содержания текста, единство формы и содержания (причем под послед-

ним понимается концептуально-смысловая и вместе с тем коммуникативно-познавательная сторона текста). Тем самым далеко не всегда имеется в виду само по себе содержание как таковое (ср. анализ научно-технических текстов лингвистом) и, конечно, не только собственно тематика текста, но то, в какой степени план выражения текста, его стилистико-текстовая организация наилучшим образом передает типовое содержание данной сферы общения и деятельности, стилевую специфику данной разновидности текста. А поскольку смысловая структура текста сложна и многослойна и не всегда имеет непосредственную, прямую выраженность в текстовой ткани произведения, то стилистика призвана изучать и имплицитные смыслы и способы их выражения и интерпретации и непременно причины образования именно той, а не иной организации целого текста (в том числе и как представителя типа текстов), его смысловой структуры. Своеобразие стилистики как синтетической науки состоит в принципиальной многоаспектности анализа изучаемого объекта, выходящего за „рамки” строязыка в широкий контекст реального использования последнего.

Литература

- Баженова Е. А., 1987, *Выражение преэссенции и формирования знания в смысловой структуре русских научных текстов*. Автореф. дис. канд. н., Воронеж.
- Баженова Е. А., 1995, *Композиция научного текста. – Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова. Тезисы докладов*, Москва.
- Баранов А. Г., 1993, *Функционально-прагматическая концепция текста*, Ростов-на Дону.
- Бондарко В. А., 1984, *Функциональная грамматика*, Ленинград.
- Виноградов В. В., 1955, *Итоги обсуждения вопросов стилистики*, „Вопросы языкознания”, № 1.
- Виноградов В. В., 1963, *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*, Москва.
- Гальперин И. Р., 1981, *Текст как объект лингвистического исследования*, Москва.
- Данилевская Н. В., 1992, *Вариативные повторы как средство развертывания научного текста*, Пермский ун-т.
- Дридзе Т. М., 1980, *Язык и социальная психология*, Москва.

- Дридзе Т. М., 1984, *Текстовая деятельность и структура социальной коммуникации*, Москва.
- Дымарский М. Я., 1993, *Метафора текста*, „Русский текст”, № 1.
- Кайда Л. Г., 1992, *Авторская позиция в публицистике*. Автореф. дис. докт. н., Москва.
- Кожевникова Н. А., 1994, *Типологические характеристики художественного текста на фоне традиций русской литературы XIX-XX вв. – Человек – текст – культура*, Екатеринбург.
- Колпанский Г. В., 1978, *Текст как единица коммуникации. – Проблемы общего и германского языкознания*, Москва.
- Котюрова В. П., 1988, *Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста*, Красноярск.
- Кубрякова Е. С., 1994, *Текст и его понимание*, „Русский текст”, № 2.
- Кухаренко В. А., 1979, *Интерпретация текста*, Ленинград.
- Лапп Л. М., 1993, *Интерпретация научного текста в аспекте фактора „субъект речи”*, Иркутск.
- Леонтьев А. А., 1976, *Признаки связности и цельности текста. – Смысловое восприятие речевого сообщения*, Москва.
- Леонтьев А. А., 1979, *Понятие текста в современной лингвистике и психолингвистике. – Психолингвистическая природа текста и особенности его восприятия*, Киев.
- Леонтьев А. А., 1979, *Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. – Синтаксис текста*, Москва.
- Лотман Ю. М., 1992, *Избранные статьи*. Т. 1, Таллин.
- Маслов Б. А., 1975, *Проблемы лингвистического анализа связного текста*, Таллин.
- Матвеева Т. В., 1994, *Непринужденный диалог как текст. – Человек – текст – культура*, Екатеринбург.
- Новиков А. И., 1983, *Семантика текста и его формализация*, Москва.
- Одинцов В. В., 1980, *Стилистика текста*, Москва.
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв.*, Том II, *Стилистика научного текста (общие параметры)*, ред. М. Н.Кожина, 1995, Пермь.
- Погудина Э.Б., 1983, *Выражение авторского “Я” в немецкой научной речи*. Автореф. дис. канд. Н., Одесса.
- Рябцева Н.К., 1992, *Мысль как действие, или риторика рассуждения. – Логический анализ языка. Модели действия*, Москва.
- Сиротинина О.Б., 1994, *Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи. – Человек – текст – культура*, Екатеринбург.

- Сорокин Ю.С., 1982, *Текст: цельность, связность, эмотивность. – Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*, Москва.
- Трошина Н.Н., 1982, *О семантико-синтаксическом аспекте цельности (когерентности) художественного текста. – Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*, Москва.
- Фридман Л. Г., 1979, *Грамматические проблемы лингвистики текста*. Автореф. дис. докт. н., Ленинград.
- Hoffmann M., 1987, *Zum pragmatischen und operationalen Aspekt der Textkategorie stil*. "Zeitschrift für Phonetik Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung", Nr 1.
- Lerchner G., 1981, *Stilistisches und Stil: Asätze für eine kommunikative Stiltheorie. – Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache*. Bd. 1, Leipzig.
- Mistrik J., 1973, *Exakte Typologie von Texten*, Münchena: Sagner.

Integrated Text as an Object of Stylistics of Text

Being a complex phenomenon text is studied by a number of scientific branches of knowledge and in each of them – from its own viewpoint. However, even in terms of linguistics, in its different scientific trends this term is filled with different meaning i. e. considered as the highest level of language system, as a speech phenomenon (as a specific functioning of language, as a communication unit, etc.). Since there is a multitude of interpretations of the term 'text' it is significant to find correlations among them and to make the definition more accurate. In the present paper this term is considered in reference to stylistics of text in interdisciplinary context of studies (semantics of text, sociopsycholinguistics, linguocultural studies). Here is proved the expediency of distinction between terms-notions 'text' and 'integrated text (work)' which have both common and distinguishing characteristics.

Being the object of functional stylistics, integrated text of any kind but not only of fiction and scientific text in particular has the number of features characterizing this very text (but not the text as a level of language system). These features are: the existence of specific stylistic-speech organization, when the latter is caused by author's conception, communication purposes, and on the whole – by extralinguistics basis of work and given type of text; realization of conception of author who organizes all text elements (theme units, composition, architecture and others) into a single whole; the actual existence of such elements as composition, architecture, specific text units which acquire certain meaning only in the context of a definite integrated work (but not the meaning itself); completeness of text as conception exhaustion on final moment of writing the work; conceptualism of work, etc.